

«ЛЕСНИЧИХИ» СОГРЕЛИ КАМЕННЫЕ ДЖУНГЛИ

Есть в Москве улица, названная именем Трофима Заморёнова. О нем снят и фильм. А в картине имеется такой эпизод: славный герой гражданской войны, склонившись над картой, обсуждает с соратниками тактику и стратегию боя; рядом же кричит, надрывается больной ребенок. «Железному комиссару» и его боевым товарищам до него нет никакого дела, он лишь отвлекает их от важной работы.

Дети: живые и «инкубаторные»

Впрочем, в отличие от «киношного» Заморёнова, выбившиеся из грязи в князи новые «партбояре» свое потомство (свое, подчеркиваю) не бросали на произвол судьбы: родная кровь все-таки. И, поглощенные заботами державы, брали наследникам нянек.

...Знаменитые элитные дома для «новых русских» 20-х годов: Дом на Набережной, 1-й Дом Советов, 2-й Дом Советов. Здоровенные квартиры, персональные прачечные, химчистки, парикмахерские, булочные, клубы, телефонные узлы, охрана. Легковушки постоянно подвозили властителям державы увесистые пакеты, набитые деликатесами. Товарищ Сталин умел создать рай на земле для временно нужных ему людей.

Было, кажется, все, но холодом веяло от каменных стен. Во дворе даже трава росла плохо, чахлой была зелень. Зато, словно согревая эти правительственные джунгли, где вскоре реками потечет кровь, на лавочках сидели и судачили о том, о сем пожилые Груни, Наташи, Кати.

Они появились в столице из деревенской и лесной глубинки – приехали, спасаясь от

голода, и были востребованы женами свежее испеченных начальников. Этим надутым дамам собственные дети тогда оказались в тягость: надо было морщить лбы в университетах марксизма, повышая идейный уровень, митинговать, активничать на собраниях, клеймить всяческую «контру». А тут – пеленки-распашонки, стирка-готовка... Именно подобными «пустячными» делами и занимались няньки.

Страна стала в те времена огромным социалистическим «инкубатором», но в самом центре Первопрестольной русские бабоньки всячески противились оболваниванию ребятишек. Здесь все было подлинное, а не казенное: мысли, чувства, поступки. «Арины Родионовны» в скромных платочках жарили картошку, выносили горшки, рассказывали детям сказки.

Дрогнули даже чекисты

У Николая Петровича Сидоренко (тогда еще просто Николеньки) отец работал заместителем наркома лесной промышленности. Самого наркома С. Лобова в 1937-м расстреляли, а его зама «всего лишь» посадили. Мать Николеньки также репрессировали, и тогда опеку над мальчиком оформила няня Татьяна Федоровна Курочкина.

Родом с Вятки, с далекого лесного кордона, «лесничиха» появилась в семье в 1926-м, как раз в день рождения нашей газеты. Ее корни – из земли; она как будто впитала в себя соки и запах российских берез.

В доме замнаркома до этого если и говорили о лесе, то только в «кубометражном разрезе»: заготовка, трелевка, вывозка, раскряжевка. А баба Таня знала другое: где живет Леший, почему деревья дружат и ссорятся, куда прячутся от людей грибы. Когда выезжали летом на дачу (сначала в Архангельское, а затем в Серебряный Бор), прямо тут, на природе, учила паренька лесным секретам.

Впрочем, в солнечные дни, как говорится, все хороши, все светятся. Однако Татьяна Федоровна выдержала экзамен на звание ЧЕЛОВЕКА и в ненастье – после ареста Сидоренко-старшего. Она не только не бросила своего воспитанника, ставшего для нее роднее родного, но и, устроившись дворником, часть денег отсылала его матери, которую сослали на Урал.

Кстати, НКВД был поведением «несознательной бабки» крайне недоволен, хотя трогать ее бдительные чекисты почему-то не стали. Или шевельнулось в них что-то человеческое? Как когда-то шевельнулось оно в их всемогущем начальнике.

Поразительный факт. Однажды сострадание пробудилось даже в черной душе «несгибаемого сталинского наркома», кровавого Николая Ивановича Ежова. И он взял в дом

девочку – дочь человека, расстрелянного по его же приказу! После казни самого Ежова у малышки не нашлось такого же ангела-хранителя, как баба Таня, и ребенок исчез где-то на огромных просторах СССР.

«Мать всех детей»

Другая история как две капли воды похожа на рассказанную вначале. Отец Инны – ответственный партработник, один из кураторов лесной промышленности и лесного хозяйства в ЦК, Гайстер – канул в небытие в том же 1937-м. Вслед за ним исчезла мать. От ставшей никому не нужной крохи отвернулись все, даже отказалась родня. А вот няня Наташа – Наталья Григорьевна Овчинникова, вдова погибшего лесника, не оставила сироту, пошла работать истопником в котельную и не дала Инне пропасть.

Под угрозой выселения из Москвы («Одумайся, идиотка, что ты делаешь?!»), перебиваясь с хлеба на квас, деревенская вдова выходила и воспитала, вроде бы, чужую ей по крови еврейскую девочку. Она не считала это особой заслугой – просто поступала по заповедям Христа. Она не поддавалась ужасу времени, перемалывавшего всех и вся. Она не рассуждала, а действовала, когда страна замерла в страхе перед невиданным в истории террором. В общем: няня Наташа – загадочная русская душа.

...По окончании Московского университета автор этих строк защищал диплом по творчеству большого русского писателя Ю.В. Трифонова и довольно часто общался с ним. Именно Юрий Валентинович, увековечивший в своей книге знаменитый теперь Дом на Набережной, однажды помог понять суть поведения людей, подобных Татьяне Федоровне Курочкиной и Наталье Григорьевне Овчинниковой. Он сказал: «Такая няня - МАТЬ ВСЕХ ДЕТЕЙ».

Большевики, однако, считали, что «милосердие» - поповское слово и всячески противились проявлениям этого чувства. Но ростки пробивались, благодаря удивительным русским женщинам, сквозь тяжелый удушающий асфальт.

Олег БОРИСОВ